

струкции Б. Б. Галибова не дифференцируются от рядов соответствующих смычных, хотя и правил позиционного распределения там также не дается), предложено обоснование реконструкции звонких и интенсивных шумных, впервые восстанавливается пралезгинский инвентарь поствелярных и существенно уточняется реконструкция латеральных.

Детально показано развитие общелезгинских комплексов согласных. Этот аспект общелезгинской фонетики вообще трактовался до настоящего времени весьма произвольно: как правило, сонорный в том или ином комплексе объявлялся либо «наращением» — без дальнейших комментариев, либо «окаменелым классным показателем» — также без комментариев. Чтобы показать, как решается эта проблема у С. А. Старостина, достаточно процитировать следующее рассуждение, которое заслуживает того, чтобы войти в учебники по сравнительно-историческому языковедению как классический образец решения задач на системную реконструкцию: «В современных лезгинских языках сочетания с l в качестве первого компонента довольно редки. Тем не менее есть основания полагать, что они были гораздо более распространены в пралезгинском. В действительности в большинстве случаев пралезгинское *l либо исчезло, либо перешло в г в языках-потомках. В таких случаях (когда рефлекс l фактически не сохранился ни в одном языке) мы реконструируем *l на основе системных соображений. Например, если у нас имеется соответствие табас. -lz: агул., лезг., рут. z (ср. „язык“: табас. melz, агул., лезг. mez, рут. miz), то реконструкция *l базируется на свидетельстве табасаранского; при этом мы вправе предположить, что пралезгинское *l (по крайней мере перед свистящими согласными) дает табас. l и агул., лезг., рут. o. Однако, хотя в табасаранском обнаруживается сочетание *lz(lz), соответствующее сочетание с глухим c(lc) отсутствует. С другой стороны, нам известно соответствие табас. gc : агул., лезг. c : рут. s (ср. табас. mags-ag „глиняная печь для выпечки хлеба“, агул. (бурш.) mas „очаг“, лезг. mas „глиняная полка над очагом“, рут. mas „стена“). Это соответствие не позволяет нам реконструировать пралезгинское *gc (в этом случае ожидалось бы сохранение г в рутульском и лезгинском, см. ниже таблицу соответствий). Следовательно, можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с пралезгинским сочетанием *lc, развитие которого полностью симметрично... (т. е. нулевой рефлекс сонорного в агул., лезг. и рут., но сохранение сонорного в табасаранском); в табасаранском, однако, произошло дополнительное изменение *lc > gc. В результате подобных же рассуждений мы можем реконструировать большое число пралезгинских сочетаний с сонорным *l, причем такая реконструкция часто подтверждается данными родственных дагестанских языков» [1, с. 153].

Наконец, во многих случаях даны удовлетворительные позиционные объяснения различной рефлексии исходных архетипов, причем во многих случаях более полные и точные, чем предложенные другими исследователями. Так, например, Б. К. Гигинейшвили [11, с. 68—69] предполагал, что *l в цахурском сохраняется при наличии в корне лабиализованного, а в остальных случаях дает w. Однако можно привести целый ряд примеров, противоречащих данному правилу: gill «лето», dal «палка» и т. п. Эти слова имеют надежные общелезгинские этимологии, причем сведения о какой-либо исторической лабиализации отсутствуют. Распределение l/w в цахурском, по С. А. Старостину, оказывается сложнее: в частности, в аглауте действует правило *l- > w перед *o и *u (т. е. перед лабиализованными гласными), в инлауте *-l- сохраняется перед передними гласными, а в ауслауте *-l > w только после широкого гласных при косвенной основе на -all-i.

Нужно сказать, что подобная существенная корректировка была проделана не только на основе анализа дополнительных лексических сближений, но и путем тщательной верификации сближений, ранее известных лезгиноведению. Особого внимания заслуживает не имеющий аналогов опыт реконструкции общелезгинского именного и глагольного аблаута.

Путем сравнения реконструированных систем пранахского, прааваро-индийско-